ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС НА ПОЛЕ БОЯ

То, что в Воронежском университете учился будущий Нобелевский лауреат – академик Павел Алексеевич Черенков – факт общеизвестный. А вот о том, что ВГУ воспитал еще и Героя Советского Союза, вспоминают реже (что, на мой взгляд, несправедливо). Дабы восполнить этот пробел – расскажу о нем, выпускнике биологического факультета 1937 года, лихом танковом командире в годы Великой Отечественной войны Петре Максимовиче Тарасове.

Петр Максимович Тарасов

* * *

Людей мирных профессий формирует мирное время, военных – воспитывает война.

С точки зрения этой фронтовой поговорки, танковая рота старшего лейтенанта Тарасова, прибывшая в мае 1944-го с Урала на румыно-венгерскую границу, в бою не имела никакой перспективы – не было в ней ни одного профессионального вояки. И это накануне глобального наступления Красной Армии по всему фронту!

Весь командный состав роты, включая самого Тарасова, как на подбор состоял из школьных учителей, а экипажи танков в большинстве своем были набраны из 18–20-летних юнцов.

Командир 18-го танкового Знаменского Краснознаменного корпуса гвардии генерал-майор Говоруненко, принимавший эту роту, рвал и метал: драка назревала серьезная, и генералу нужны были бойцы-профессионалы, а тут прислали какую-то «школу» в полном составе, с педагогами и старшеклассниками. С такими кадрами исторических сражений не выигрывают!..

Роту решено было расформировать, а боевые машины передать более опытным танкистам. Генерал вызвал к себе Тарасова, чтобы сообщить об этом решении и дать указание, кого из бойцов куда направить…

* * *

А за двенадцать лет до этого, в августе 1932 года, недавно назначенный директором школы-семилетки в калужском поселке 21-летний Петр Тарасов подал документы на зачисление в студенты Воронежского университета. Потому что понял: быть директором-неучем – даже в глубинке – стыдно. Парню элементарно не хватало знаний, и он отправился за ними в Воронеж. Почему именно сюда – сейчас объясню.

Дело в том, что огромная, в четырнадцать ртов, крестьянская семья Тарасовых, чтобы прокормиться, занималась ремеслом. «В те годы это было уделом большинства крестьянских семей, – вспоминал через десятилетия Петр Максимович. – Хлеба своего едва хватало до января, потом помогали заработки, отхожие промыслы и ремесленное производство. В деревне работали свои портные, сапожники, кожевники, бондари, кровельщики, жестянщики, печники, валяльщики… Каждая семья имела ручной ткацкий станок. Наша семья делала прялки, которые

Актив биологического факультета: секретарь парткома Б.Г. Поташникова, декан Б.М. Козо-Полянский, зам. декана И.А. Руцкий (сидят), комсомольский секретарь П.Л. Львов, профорг П.М. Тарасов, ассистент В.В. Азаров. 1936 год

пользовались большим спросом, особенно почему-то в Воронежской губернии».

Вот в эту самую губернию, которую его семья десятилетиями снабжала прялками, и поехал за знаниями молодой директор школы. Он поступил на только что открывшийся биологический факультет, потому как рос в селе, знал крестьянский труд, любил природу.

Студентом Петр Тарасов был приметным. За принципиальность его на третьем курсе даже избрали факультетским профоргом, и он усердно тянул эту лямку. В 1935-м как студенческий профсоюзный лидер Тарасов попал на прием к «всесоюзному старосте». Тогда Калинин, выслушав эмоциональный рассказ долговязого парня из ВГУ, к удивлению многих, распорядился закупить для Воронежского университета оборудование для опытов – в Австрии, за валюту…

Но главным для Тарасова была все-таки не общественная работа. В университете Петр Максимович всерьез увлекся наукой. Круг его интересов необычайно широк – от прикладных вопросов сельского хозяйства до самых широких аспектов модной тогда эволюционной биологии.

Декан биофака ВГУ легендарный профессор Б.М. Козо-Полянский, прочитав курсовую работу студента Тарасова о биологии цветения гречихи, предложил продолжить разработку темы. Эксперименты молодого исследователя курировал заведующий только что появившейся кафедры генетики и селекции растений профессор Н.А. Успенский. Он начал с того, что обозначил круг вопросов, ответы на которые студент должен был получить опытным путем. В поисках этих ответов Тарасов отправился к знаменитому отечественному метеорологу, основателю уникального Богородицкого опытного поля под Белгородом И.А. Пульману… Это были лучшие и авторитетнейшие ученые Черноземья, и все они увидели в Тарасове перспективного исследователя.

Мэтры биологии не ошибаются.

Вскоре были получены первые результаты. Сообщение о них студент ВГУ Петр Тарасов отправил на конкурс работ молодых ученых во Всесоюзный институт растениеводства. Его исследования получили положительный отзыв научной звезды первой величины – директора этого института легендарного академика Н.И. Вавилова. Вдохновленный этим Тарасов с еще большей энергией продолжил исследования.

Молодой экспериментатор не доедал и не досыпал, дни и ночи проводил в лаборатории. И перегрузки очень скоро дали о себе знать. Тарасов серьезно заболел. «С благодарностью вспоминаю Иосифа Адамовича Руцкого как учителя и человека очень заботливого, помогавшего мне в период болезни моей», – читаем в одном из послевоенных писем П.М. Тарасова сотрудникам музея истории ВГУ. А тогда, благодаря хлопотам зам. декана биофака Руцкого, заболевшему от переутомления студенту Тарасову университет выделил небывалую по тем временам матпомощь – 600 рублей…

Во время летних студенческих каникул 1937 года Тарасов объехал множество гречишных полей в различных участках Центрального Черноземья. Он проверял засоренность посевов, пытаясь определить причину этого явления. И вот, исследуя сорняки на границе Воронежской и Курской областей, молодой ученый неожиданно обнаружил гомологические ряды гречихи. Этот результат находился уже на самом острие новейших научных разработок. Только что академик Н.И. Вавилов открыл закон гомологических рядов и обосновал его решающую роль в наследственной изменчивости организмов. Сразу заговорили о совершенно невиданных перспективах в селекции. Если до этого ученые искали материал для селекции почти вслепую, то теперь они получили своего рода «карту-схему» его местонахождения. И вот студент ВГУ Петр Тарасов, вос-

пользовавшись подобной «картой», обнаружил под Воронежем генетический центр широко известной биологической культуры! Это была серьезная заявка на успех. Молодой биолог уверенно шел к своему первому научному открытию.

По оценкам опытных наставников, для завершения этой работы Тарасову требовалось еще года три интенсивных научных опытов. Поэтому, получая диплом об окончании университета, молодой специалист попросил направить его на работу в любое место страны с единственным условием – чтобы там была селекционная станция.

Ему пошли навстречу. Наркомзем РСФСР трудоустроил Тарасова заведующим отделением полеводства в Западном опорном сельскохозяйственном техникуме. «Он был расположен в живописнейшем уголке Смоленской области, в излучине Днепра, в усадьбе бывшего купца Барышникова, – рассказывал Петр Максимович. – Подковообразный дом внешней стороной открывался в сторону реки. Разлив Днепра здесь достигал полутора километров, что создавало удивительную картину. К дому примыкал большой липовый парк и плодовый сад… Техникум располагал опытным хозяйством, теплицами, вегетационным домиком, значительным парком машин и сельскохозяйственных орудий. Условия для научной работы были отличные, и я мечтал закончить здесь опыты по биологии гречихи»…

Мечта рухнула вмиг.

5 декабря 1938 года был праздник по случаю двухлетия сталинской Конституции. Тарасов, воспользовавшись выходным днем, уединился в библиотеке техникума: здесь он читал журналы с новейшими статьями зарубежных генетиков. К нему тихо подошел человек в военной форме и протянул телеграмму: «Собирайтесь, я жду у входа». Молодому ученому предписывалось срочно прибыть в город Пушкин Ленинградской области в воинскую часть Наркомата обороны СССР для прохождения военной службы…

«Телеграмма перечеркивала мои планы и срывала работу, к которой я шел долгим путем», – напишет спустя годы Тарасов.

* * *

– Счастливый ты человек, старший лейтенант! – сказал генерал Говоруненко Тарасову в самом конце разговора.

– Почему счастливый?

– Ну... У тебя же есть профессия послевоенная. А у меня – нету.

– Но вы же... генерал.

– И что из этого? Генерал воевать должен. А что я после войны делать буду – не представляю... Я – человек поля. Поля боя.

– Я тоже человек поля. Только мирного, урожайного.

– Это уже другое поле. Не мое.

Командиру роты Тарасову удалось немыслимое: он сумел убедить комкора в необходимости сохранения его подразделения как единой боевой единицы, способной выполнить задачу любой сложности. Было это так.

Сначала Тарасов доложил о материально-техническом состоянии танков в роте, особо отметив новые для армии маневренность и толщину брони на башне, которыми располагали только что прибывшие с Урала машины. Затем он по-военному четко и профессионально оценил возможности танков, находящихся на вооружении у противника именно в этом месте. Ну и, наконец, выдержав паузу, рассказал о своих танкистах: эти, как вы говорите, «желторотые юнцы» – уральские ребята-механики, которых за перевыполнение плана по выпуску танков обещали отправить на фронт на этих самых машинах. Да они в них каждую гайку знают!

Генерал потеплел. Он согласился оставить роту. Правда, при одном условии…

Это было необычное задание. Роте Тарасова предстояло ночью, во тьме, незаметно пройти через линию фронта и, обойдя вражеские позиции, выйти к переправе через реку Тису между двумя небольшими венгерскими городками Сентеж и Чонград. Там, в тылу врага, у этой переправы, Тарасов должен был стать намертво и «костьми лечь», но удержать позицию до подхода основных сил танкового корпуса…

Ставя такую задачу, комкор прекрасно понимал, что посылает эту «учительскую» роту во главе с биологом, который почему-то знает устройство танка лучше, чем многие его офицеры, на гибель, но изменить своего решения Говоруненко не мог. Генерал уже почуял азарт охотника, и в той захватившей его погоне за матерым зверем умелые танкисты будут нужны в самой последней решающей схватке – в Берлине. Для того боя и берег их генерал Говоруненко сейчас, в Венгрии, посылая в логово врага в качестве «живца» абсолютно ненужных ему в будущей схватке «школьников» в танковых шлемах. Если уж надо кем-то жертвовать на пути к Победе, то он жертвует ими…

Чтобы как-то успокоить совесть, генерал распорядился выдать на каждый танк из роты Тарасова по шестьсот сорок килограммов горючего и по сто снарядов.

В два раза больше нормы.

П.М. Тарасов (в центре) с экипажем. 1944 год

* * *

А тогда, в день второй годовщины сталинской Конституции, человек в военной форме ждал Тарасова у входа в техникум.

Так начиналась новая жизнь…

К этому времени руководство Красной Армии сделало первые выводы из боев в Испании и на озере Хасан. Предстояла масштабная техническая реконструкция, начать которую решено было с модернизации танков-огнеметов (это такие машины, извергающие струю горящего химического вещества). Приказом Наркомата обороны была создана экспериментальная группа, которая должна была вплотную заняться этими разработками. В нее были включены и одиннадцать человек, блестяще знающих химию. По какой-то причине при подборе этой команды выбор пал на заведующего отделением полеводства Западного опорного сельхозтехникума Петра Тарасова. Пришлось ему забыть до лучших времен о биологии цветения и законе гомологических рядов и заняться изучением танка.

По университетской привычке Петр Максимович вел конспекты. Записывал туда всё, что узнавал об устройстве танка, его слабых и сильных местах, тактике ведения боя, новейших разработках военных конструкторов… Потом, когда началась война с Финляндией, Тарасов попросился на передовую, чтобы на практике проверить свои теоретические «танковые» наработки. Исписал несколько тетрадей с формулами, пока не выстроил собственную оригинальную систему ведения танкового боя в условиях новейшей войны.

Когда через два года началась Великая Отечественная, Тарасов ушел на фронт, оставив те тетради дома, в селе Лев Толстой под Калугой. После Победы с удивлением узнал, что немцы, захватив село, искали именно эти его тетради: кто-то донес, что в них директор школы заносил секретную информацию о советском танке…

Кстати, записывать мысли в тетрадь Петр Максимович продолжал на протяжении всех военных лет – и когда командовал танковым взводом в Карелии, и когда преподавал в танковом училище, и когда принимал новую модель танков на уральском заводе… На том самом заводе, где рабочие парни под обязательство отпустить их на фронт собрали за две сверхурочные ночи двадцать сверхплановых танков.

Эти танки и эти парни составили ту самую роту, с которой Тарасов прибыл в корпус генерала Говоруненко.

* * *

Они ушли в ночь на 6 октября 1944 года. Рота Тарасова – семь танков, артбатарея и взвод автоматчиков – отправилась в 89-километровый путь по тылам противника.

Продвигались тихо и на большой скорости: хотелось основной путь проделать ночью. Однако уже через час нарвались на вражескую пехоту. Уничтожили ее легко, но при этом обнаружили себя.

Дальше шли с боями.

Под утро удалось укрыться в плотном тумане. Когда туман рассеялся, оказалось, что попали в ловушку: впереди была железнодорожная насыпь, окруженная с обеих сторон болотом. Танкам не пройти. Тарасов приказал двигаться по рельсам.

Риск был огромный: если неосторожно зацепить стальную рельсовую струну гусеницей, то можно порвать ее. А это остановка не только одного танка, но и всех последующих машин: ведь с полотна в болото не съедешь. Решили двигаться на малых оборотах. Пушки и две автомашины с пехотой за ними следовать не могли – их отправили назад…

Через два километра встали. Случилось худшее – у машины, которая шла в шеренге четвертой, лопнула гусеница: механик почувствовал, что танк зацепился за рельсы, рванул, и машина замерла в неподвижности. Остановились и три следовавшие сзади танка.

Ждать, пока механики отремонтируют гусеницу, было нельзя. Поэтому пошли дальше. Уже на трех танках. А те, которые остались на насыпи, были через некоторое время обнаружены немцами и расстреляны в упор. Вместе с танкистами…

Вскоре у переезда показалось кукурузное поле. Тарасов приказал укрыться в нем и выстроить машины в боевой порядок углом назад. Замерли.

Прошло полчаса. К переезду подошел кавалерийский полк. Парадная форма, лошади как на подбор – серые в яблоках. Много пушек.

Танкисты решили использовать фактор внезапности и открыли огонь. Это оправдало себя: противник заметался в панике, побросал орудия, и минут через двадцать вражеский полк был истреблен пулеметным огнем наших танкистов.

Тарасов продолжил движение. За кукурузным полем показалась переправа, где три его машины уже поджидали несколько десятков вражеских танков и самоходок…

Уже в наши дни в социальных сетях я наткнулся на письмо двоюродного внука Петра Максимовича Тарасова – Андрея Хохлова. «То, что дед Петя – герой, я знал с самого детства, – пишет он. – Когда я читал описание его подвига, подумал: Рэмбо – отдыхает!»…

Тот бой шел двенадцать часов. Три советских танка под ураганным огнем противника прорвались к переправе и каким-то чудом удерживали ее все это время.

Над полем стоял дым пожарищ: горели подбитые танки, автомашины, повозки, люди – все, что способно было гореть. Танкистов мучила жажда. Прохладная Тиса текла рядом, стоило только спуститься вниз, но проделать этот путь было невозможно – немецкие пулеметчики открывали огонь всякий раз, как кто-нибудь показывался из укрытия.

Через несколько часов боя немцам удалось подбить один советский танк. Пламя охватило корпус машины, танкисты выпрыгнули, сбросили с себя телогрейки и стали сбивать пламя. Огонь погасили, но танк замер в неподвижности: коробка передач была разбита. К счастью, пушка с башней оказались целыми, и экипаж, вернувшись в машину, продолжил отстреливаться от атакующего врага.

Напряжение боя усиливалось. На шоссе мелькнули новые немецкие танки и самоходки. В какой-то момент показалось, что эта атака станет для наших танкистов последней. Но тут Тарасов неожиданно нашел выход из положения.

«Я обнаружил, что противник лишен маневра, так как шоссейная дорога почти на всем протяжении от моста шла по насыпи, – вспоминал легендарный ротный годы спустя. – Мы мгновенно взяли на прицелы те отрезки дороги, которые проходили по ровной местности, и начали бить из пушек по бортам вражеских “пантер” и “фердинандов”. Машины загорелись, затрудняя движение по шоссе и ведение огня».

Радовались недолго. Вражеский снаряд подбил еще один советский танк, оторвав ему ствол пушки. Теперь на ходу у нашей роты оставалась только одна машина. Та, в которой был Тарасов.

Его танк метался по полю боя, уводя огонь от подбитых машин друзей. Говорят, это была фантастическая дуэль. Танк Тарасов то разгонял, то сбрасывал газ, замирал на секунду, а потом неожиданно включал высшую передачу и на полной скорости проскакивал прямо перед носом противника… Он шел пленительно и дерзко, как выпускник на своем последнем школьном балу. Только «танцевал» этот вальс Тарасов не в школьном зале, а в прошитом, прожигаемом снарядами и очередями, пропитанном гарью и кровью пространстве боя...

Всему на свете есть предел.

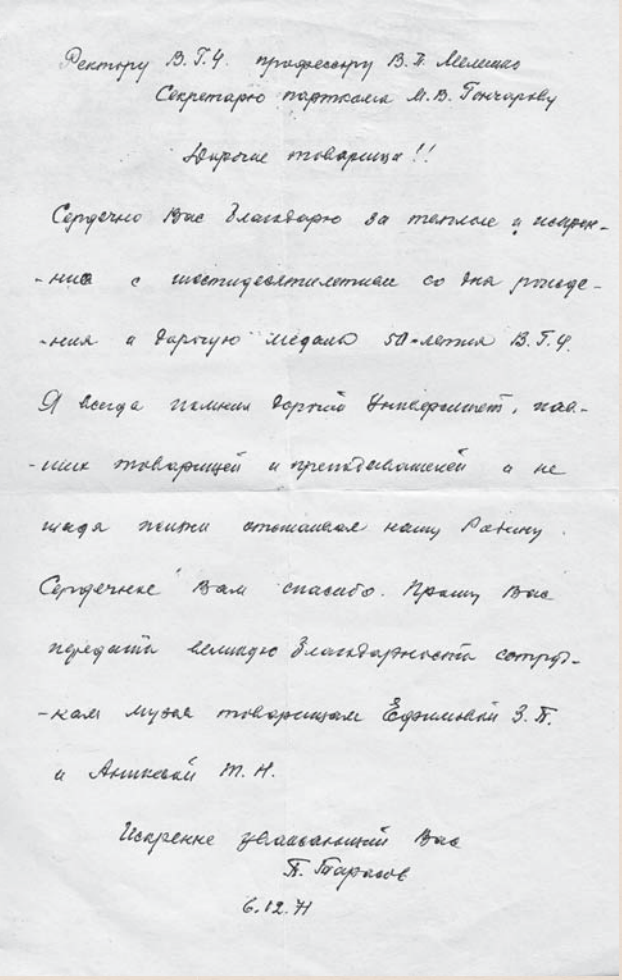
К шести вечера у Тарасова остались только два снаряда.

Наступал финал трагедии.

После Петр Максимович вспомнит: «В тот момент мелькнула мысль: “Была не была – семи смертям не бывать! Что могли, мы сделали”. И я решил ворваться на мост, проскочить по нему вихрем, сделать два прощальных залпа по врагу и пойти на таран стоящей недалеко от моста техники... И вдруг (ну как после этого не верить в судьбу!) из-за туч выныривают несколько наших “ястребков”... Ну, думаю, есть еще шансы выжить...».

В этот самый момент Красная Армия по всему фронту начинала Дебреценскую наступательную операцию. К исходу того же дня был взят город Сегед и открыта прямая дорога на Будапешт.

П.М. Тарасов (стоит) со своими родственниками. 1952 год



Ректору В.Г.У. профессору В.Г. Мелешко
Секретарю парткома М.В. Гончарову

Дорогие товарищи!!

Сердечно Вас благодарю за поздравление с шестидесятилетием со дня рождения и ценную медаль 50-летия В.Г.У.

Я всегда помню родной Университет, наших товарищей и преподавателей и не щадя времени отношение нашу Родину.

Сердечное Вам спасибо. Прошу Вас передать большую благодарность сотрудникам музея товарищам Ефимовой З.Г. и Аникеевой М.Н.

Искренне уважающий Вас
П. Тарасов
6.12.71

Письмо П.М. Тарасова руководству Воронежского университета. 1971 год

Когда через несколько часов гвардии генерал-майор Говоруненко со своим штабом подъехал к переправе, он увидел три опаленных огнем танка, рядом с которыми сидели на траве дюжина изможденных от усталости танкистов. Это всё, что осталось от роты Тарасова…

А еще через несколько часов командующий 2-м Украинским фронтом маршал Малиновский, выслушав доклад о начале операции, лично представил к званию Героя Советского Союза Тарасова и командиров двух других танков, участвовавших в двенадцатичасовом бою. Оба они, кстати, как и ротный, в мирное время были учителями.

Остальные участники того дерзкого рейда – те самые «желторотые мальчишки» – получили боевые ордена. Некоторые из них, кто дожил до Победы, пошли учиться, чтобы потом преподавать в школе…

* * *

А для Тарасова война закончилась в Австрии.

К тому времени он был уже командиром батальона, имел капитанские погоны. Его группа с боями продвигалась навстречу союзникам-англичанам и неожиданно попала под сильный минометный огонь у горного городка Грац. Комбат Тарасов лихо вскочил на крыло танка и стал в бинокль рассматривать горную вершину, пытаясь определить, откуда ведется огонь. В этот миг прозвучала пулеметная очередь, и Петр Максимович рухнул на землю. Подбежавший санинструктор обнаружил сквозное пулевое ранение в колено…

Рана оказалась довольно серьезной, и Тарасова почти сразу отправили во фронтовой госпиталь, что находился в венгерском городке Байя. Там покачали головой и стали готовить ногу к ампутации.

В день, на который была назначена операция, в госпитале появился новый хирург – Николай Иванович Хорошкевич.

«Это был еще не старый, но уже совершенно седой человек, – вспоминал Тарасов. – Он зашел к нам в палату, когда я рассказывал о Воронеже и родном университете. Хорошкевич спросил, с чем связано мое воспоминание? Я ответил, что окончил ВГУ в 1937 году. Оказалось, он тоже прошел там курс наук, только в 1923 году и по медицинскому факультету. А начинал учиться, когда университет был еще в Юрьеве. Я поинтересовался, помнит ли он кого из профессоров Юрьевского университета. Оказалось, что у нас трое общих знакомых: профессор физики Сахаров, профессор общей физиологии Лепорский и профессор биологии беспозвоночных животных Сент-Илер».

К.К. Сент-Илера Тарасов помнил особенно хорошо. Это был извечный оппонент его учителя Б.М. Козо-Полянского – за их научными и человеческими спорами следил весь биофак. Именно у Сент-Илера на госэкзамене по зоологии круглый отличник Тарасов получил единственную за всё время учебы в ВГУ «четверку». Теперь во фронтовом госпитале он рассказал подробности той давней истории: «На экзамене по зоологии Сент-Илер после моего ответа на все вопросы по билету вдруг спросил: “Что такое трохофора?» В своей памяти я не нашел такого понятия и ответил: “Не знаю”. Не знал и весь наш курс этой личинки многощетинкового червя – ведущий курс доцент Азаров никогда не упоминал на лекциях об этом»…

В тот день Хорошкевич отменил операцию. Согретый теплом воспоминаний о ВГУ здесь, в другой стране, он решил вылечить рану. «Обоюдные воспоминания стали теперь нередкими, почти ежедневными, – пишет в своих воспоминаниях Тарасов. – Временами Николай Иванович заходил к нам и после тяжелой операции. Просидев 20–25 минут, ничего не говорил, но я чувствовал: переживал прошедшую операцию. Не расспрашивая, догадывался, что опять отнята у кого-то рука, нога, а то и обе… В лечении Хорошкевич следовал утверждению “гной рану кормит”, поэтому гипсовый панцирь не снимался, пропитывался гноем и тяжело сказывался на каждом из нас. И все же в начале июня Николай Иванович снял с меня гипс, но нога в коленном суставе выглядела студенистой массой, поэтому сустав был теперь заключен в гипсовое кольцо, что дало возможность подниматься и пользоваться костылем для ходьбы. Это уже хорошо!..»

Через три месяца Тарасов покинул госпиталь.

Воронежское студенческое братство спасло ему ногу.

* * *

После войны профессор Козо-Полянский не раз уговаривал своего ученика поступать в аспирантуру Воронежского университета. Тарасов отказывался. Он подробно расспрашивал учителя о последних достижениях генной биологии, но возвращаться в науку не хотел. То ли потому, что, вернувшись с войны, обнаружил на месте дома сплошное пепелище (сгорели и средняя школа, где он был директором, и его квартира, в которой была библиотека, и все его исследовательские записи по биологии гречихи и, главное, уникальные образцы семян), то ли потому, что к этому времени в науке воцарилась лысенковщина, а генетическое направление было объявлено враждебным и наглухо закрыто, то ли по какой другой причине.

П.М. Тарасов, Герой Советского Союза, выпускник ВГУ 1937 года

Герой Советского Союза Петр Максимович Тарасов, имевший, по мнению многих авторитетных людей науки, все задатки большого ученого, вновь пошел работать школьным учителем. Несколько раз, когда в жизни возникала необходимость какого-нибудь прорыва, его посылали на самый горячий участок работы. Так Тарасов побывал и заместителем председателя облисполкома, и начальником областного управления культуры, и директором нескольких школы. Но почему-то карьера никогда не прельщала этого человека. Справившись с поставленной задачей, он неизменно возвращался в школу, к детям.

Словно раз за разом доказывал кому-то, что если и есть в этом мире люди, на которых всегда можно положиться, то искать их надо в школьной учительской.